

К ПРОБЛЕМЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОХРАНЯЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассмотрены изменения, внесенные в главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере экономической деятельности» Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ. Анализируется соответствие указанных изменений выделенным в юридической литературе принципам криминализации деяний. Рассматривается, насколько эти принципы учтены законодателем при принятии им решения о необходимости криминализации деяний, запрещаемых статьями 171.3 и 171.4 УК РФ. Дается предложение о необходимости совершенствования ст. 171.3 УК РФ.

Ключевые слова: проблема; Уголовный кодекс Российской Федерации; общественные отношения в сфере экономической деятельности.

В июле 2017 г. в охраняющую общественные отношения в сфере экономической деятельности главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации законодателем снова были внесены значительные дополнения. В соответствии с Федеральным законом РФ от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ в обозначенную главу введены новеллы: ст. 171.3 – «Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»; ст. 171.4 – «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции». По мнению законодателя, обозначенное дополнение обусловлено следующими обстоятельствами.

Начавшаяся в 2012 г. акцизная реформа привела к двукратному росту цен на легальную водку: если в 2010 г. самая дешевая стоила от 100 до 110 руб. за 0,5 л, то в 2015 г. – от 200 до 220 руб. за 0,5 л. При этом цены на нелегальную водку остались прежними – 100 руб. за 0,5 л. Таким образом, потребителем делается выбор в пользу именно дешевой нелегальной водки. В результате занимаемый легальной водкой сегмент рынка постепенно оказывается замещенным дешевой нелегальной водкой, при обороте которой не уплачиваются налоги. Одновременно с их неуплатой, по данным Минздрава России, в стране ежегодно от потребления нелегальной водки умирает 35–40 тысяч человек. При этом санкции ст. 171 УК РФ фактически несоизмеримы как с доходами, извлекаемыми в результате осуществления рассматриваемой деятельности без лицензии, так и с приведенными тяжкими последствиями [1]. На наш взгляд, применение для борьбы с данной деятельностью ст. 171 противоречит и принципу законности уголовного права, отраженному в ст. 3 УК РФ, поскольку правоприменитель сможет произвольно «расширить» сферу действия указанной нормы, используя ее по аналогии. Таким образом, введение в главу 22 УК РФ рассматриваемых новелл и, как результат, «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности являются необходимыми, поскольку ликвидируется значительный законодательный пробел.

Несмотря на указанную необходимость, может возникнуть ситуация, когда введенные законодателем уголовно-правовые новеллы оказываются практически неприменимыми. Одновременно может возникнуть

ситуация, когда эти новеллы, несмотря на кажущуюся, с точки зрения законодателя, необходимость их введения, окажутся «лишними». Приведенные ситуации представляют собой последствия пренебрежения законодателем принципами криминализации деяний. В настоящее время глава 22 УК РФ является ярким примером такого пренебрежения [2. С. 93]. Таким образом, актуальной является проблема соответствия указанным принципам решения законодателя о дополнении этой главы рассматриваемыми новеллами.

Прежде всего следует установить, является ли обозначенное решение научно обоснованным. В качестве одного из принципов криминализации деяний выделяется принцип научного подхода к ней. Этот принцип рекомендует законодателю активно привлекать к созданию уголовно-правовых новелл как ученых, так и практических работников. Важность их привлечения в том, что ученые обладают возможностью прогнозировать действия уголовно-правовых новелл в будущем, а практические работники способны дать полезные рекомендации при формулировке этих новелл, а также по учету законодателем при решении вопроса об их введении особенностей правоприменительной практики. Из приведенной Пояснительной записки [1] следует, на наш взгляд, что законодатель при решении вопроса о криминализации деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями 171.3–171.4 УК РФ, принял во внимание ситуацию, сложившуюся в области противодействия незаконному производству и реализации алкогольной продукции. Об этом свидетельствуют, в частности, содержащиеся в указанной записке статистические данные по числу лиц, умерших от употребления нелегально произведенной алкогольной продукции. Одновременно в этой записке сумма «крупного размера» применительно к ст. 171.3 рассчитывается достаточно точно, «исходя из стоимости минимальной партии алкогольной продукции, возможной к перевозке автомобилем “Газель”, – 150 коробок водки по 20 бутылок каждая» [Там же]. Таким образом, решение законодателя о криминализации указанных деяний выглядит научно обоснованным.

В качестве следующего рассматривается принцип криминализации деяний по видовому объекту преступления. Особенная часть Уголовного кодекса РФ объединяет разделы и главы. В каждую из глав вклю-

чены нормы, охраняющие конкретные общественные отношения. В частности, в главе 21 «Преступления против собственности» сконцентрированы все общественно опасные посягательства на отношения собственности. Таким образом, в обозначенной главе этот принцип криминализации деяний законодателем соблюден. Однако в главе 22 УК РФ законодатель от указанного принципа отступил. Пример тому – отсутствие в данной главе единого объекта, объединяющего все преступления. Большинство из преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами главы 22, посягают на общественные отношения, не являющиеся рыночными экономическими отношениями. В частности, преступления, запрещаемые статьями 174–175 УК РФ. По своей правовой природе эти преступления представляют собой посягательства на деятельность органов правосудия, о чем отмечается в юридической литературе [3. С. 9]. Поэтому данные нормы следует перенести в главу 31 «Преступления против правосудия». То же необходимо и в отношении иных норм, например, ст. 169 УК РФ, предусматривающей ответственность за «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности», являющихся по своей правовой природе разновидностью должностных преступлений, запрещаемых нормами главы 30 УК РФ.

По нашему мнению, для избежания «перегрузки» главы 22 УК РФ нормами, запрещающими преступления, не посягающие на рыночные экономические отношения, необходимо исследование правовой природы деяний, запрещаемых статьями 171.3, 171.4 УК РФ. Согласно логике законодателя состав преступления, запрещаемого ст. 171.3, является специальным по отношению к ст. 171 [1]. На это указывает такой элемент диспозиции ст. 171.3 УК РФ, как отсутствие «соответствующей лицензии», имеющий место и в диспозиции ст. 171 УК РФ. Объективная сторона деяния, запрещаемого ст. 171.3, представляет собой незаконную деятельность как по производству, так и по закупке, поставке, хранению, перевозке либо розничной продаже этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без указанной лицензии. Таким образом, обозначенное деяние по своей правовой природе представляет собой одно из проявлений недобросовестной конкуренции, причиняющей существенный вред нормальному функционированию рыночной экономики, «нервом» которой и является конкуренция. Следовательно, введение законодателем ст. 171.3 именно в главу 22 УК РФ, как и в предыдущей ситуации, не противоречит исследуемому принципу криминализации деяний.

Статьями 171.4 УК РФ, также представляющая собой новеллу, направлена на борьбу с незаконной розничной продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции. Обозначенная продажа, согласно Примечанию 1 к данной уголовно-правовой норме, представляет собой «розничную продажу такой продукции физическим лицом либо продажу алкогольной продукции лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица». Таким образом, следуя буквально логике законодателя, указанная новелла по ее правовой при-

роде представляет собой проявление незаконной предпринимательской деятельности, в отличие от ст. 171.3, только в сфере розничной торговли пищевыми продуктами. Поэтому какое-либо противоречие принципу криминализации деяний по видовому объекту преступления в рассматриваемой ситуации отсутствует.

Во избежание появления «мертвых» уголовно-правовых новелл законодателю следует связывать свое решение о криминализации деяний, запрещаемых ими, с положениями Общей части УК РФ. В этом состоит основное содержание следующего принципа криминализации деяний – принципа соответствия вводимого в закон уголовно-правового запрета положениям Общей части уголовного закона. Среди последних особое влияние на криминализацию какого-либо деяния оказывают принципы уголовного права, отраженные в статьях 3–7 УК РФ, в частности принцип законности (ст. 3) и принцип вины (ст. 5).

Одно из важнейших значений принципа законности состоит в обозначении четких границ преступного и непротивоправного. По нашему мнению, в диспозициях статей 171.3–171.4 УК РФ указанные границы установлены законодателем достаточно четко. Об этом свидетельствует, в частности, такой конструктивный признак ст. 171.3, как установление законодателем в ее диспозиции «крупного размера», а также «особо крупного размера», превышающих соответственно «сто тысяч рублей» и «один миллион рублей». В рассматриваемой ситуации законодатель указывает адресатам закона, что деяние, запрещаемое обозначенной новеллой, преследуется в уголовно-правовом порядке только тогда, когда лицо совершает действия, выходящие за пределы этого уголовно-правового критерия.

Также на четкое установление границ преступного и непротивоправного поведения указывает и Примечание к ст. 171.4 УК РФ, в котором даются четкие дефиниции отдельных элементов ее диспозиции – «незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции» и «неоднократное совершение ее». Согласно буквальному толкованию диспозиции обозначенной уголовно-правовой новеллы последняя должна применяться лишь в случаях «неоднократного совершения» лицом запрещаемого ею деяния. Этим, по нашему мнению, и определяются четкие границы действия ст. 171.4. Таким образом, данный принцип законодателем соблюден. Представляется, что при практическом применении рассматриваемых новелл у правоприменителя не возникнет каких-либо сложностей, связанных с толкованием отдельных элементов их диспозиций.

Отраженный в ст. 5 УК РФ принцип вины устанавливает, что «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина». Последняя представляет собой психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и общественно опасным последствиям. В сфере экономической деятельности все преступления совершаются с прямым умыслом –

лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления – ч. 2 ст. 25 УК РФ. Рассматриваемые новеллы, на наш взгляд, не исключение, поскольку лицо, совершая запрещаемые ими деяния, преследует цель незаконного извлечения доходов, причиняя ущерб как отношениям конкуренции, так и иным субъектам, осуществляющим экономическую деятельность. Следуя букве закона, указанное лицо действует «намеренно». Таким образом, обозначенный принцип также принят во внимание законодателем.

Во избежание формулирования как «мертвых», так и имеющих низкую эффективность уголовно-правовых новелл законодателю необходимо принять во внимание и правила законодательной техники, значение которых достаточно велико. В этом состоит такой принцип криминализации деяний, как принцип соблюдения правил законодательной техники конструирования уголовно-правового запрета. Следуя обозначенным правилам, элементы, составляющие уголовно-правовой запрет, должны быть сформулированы таким образом, чтобы исключалось их произвольное толкование. Не являются исключением и статьи 171.3–171.4 УК РФ.

Согласно названию, ст. 171.3 предусматривает уголовную ответственность за «незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции». В названии указанной новеллы законодателем оказались использованы сразу два союза – «и», «или». Таким образом, данное название оказалось «размытым», поскольку не ясно, за совершение какого именно деяния ст. 171.3 УК РФ установлена ответственность. Одновременно оказалась «размытой» и диспозиция этой новеллы, поскольку в ней законодателем также не «отделяется» производство этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции от ее закупки, поставок, хранения, перевозок. При этом только один элемент данной диспозиции – «розничная продажа этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» – оказался «отделенным» от остальных, как и в названии ст. 171.3, двумя союзами – «и», «или», что также свидетельствует о недостатках ее законодательной конструкции. В связи с этим, по нашему мнению, могут возникнуть затруднения с практическим применением ст. 171.3, поскольку не ясно, в каком случае возможно привлечение лица к уголовной ответственности – либо только за производство, либо только за закупку (включая импорт), либо только за поставки (включая экспорт), либо только за хранение, либо только за перевозки этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции «без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна, совершенные в крупном размере». При этом дефиниция «крупный размер» имеет место в Примечании к ней. Также в этом примечании имеет место и дефиниция «особо крупного размера», о котором отмечается в ч. 2 ст. 171.3 УК РФ. Согласно данному Примечанию «крупным размером в настоящей статье признается

стоимость этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, производство и (или) оборот которых осуществляются без соответствующей лицензии, превышающая сто тысяч рублей», «особо крупным – один миллион рублей». Указанные размеры законодателем устанавливались индивидуально для ст. 171.3 с учетом специфики охраняемых ею общественных отношений, что не противоречит правилам законодательной техники [4. С. 25]. Таким образом, в диспозиции этой новеллы законодателем достаточно точно раскрыты лишь отдельные ее элементы, и то являющиеся оценочными терминами. Объективная сторона запрещаемого ею деяния фактически оказалась «размытой», что, по нашему мнению, свидетельствует о несоблюдении последним исследуемого принципа криминализации деяний. Таким образом, необходима доработка законодательной конструкции рассматриваемой уголовно-правовой новеллы.

Статья 171.4 УК РФ, как видно из ее названия, предусматривается ответственность за «незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции». Для понимания сущности запрещаемого этой уголовно-правовой новеллой деяния законодателем в Примечаниях 1–2 к ней даны подробные дефиниции как «незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», так и «неоднократного» совершения этой продажи. Таким образом, законодательная конструкция ст. 171.4, по сравнению со ст. 171.3, выглядит более совершенной, что свидетельствует о соблюдении законодателем рассматриваемого принципа криминализации деяний.

Одновременно, во избежание создания «мертвых» уголовно-правовых норм, законодателю следует принять во внимание и такой принцип криминализации деяний, как принцип согласованности норм уголовного закона с положениями охраняемых отраслей права. Выражением указанной согласованности являются бланкетные диспозиции уголовно-правовых норм. Данные диспозиции имеет большинство составляющих главу 22 УК РФ норм. Не будут исключением и исследуемые новеллы. Подтверждение этому – наличие в диспозиции ст. 171.3 УК РФ элемента «в случаях, если такая лицензия обязательна». Для понимания указанных случаев следует принять во внимание положения ст. 18 Федерального закона РФ от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Таким образом, рассматриваемый элемент диспозиции ст. 171.3 оказался согласованным с положениями норм регулятивной отрасли права.

Одновременно в названии и в диспозиции ст. 171.4 УК РФ имеет место элемент «незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», для уяснения сущности которого необходимо принять во внимание положения ст. 3 Федерального закона РФ от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства». Как и в предыдущей, в рассматриваемой ситуации также

наблюдается согласование элементов диспозиции уголовно-правового запрета с положениями норм регулятивных отраслей права. Таким образом, обозначенный принцип законодателем соблюден.

Наряду с рассмотренными в процессе криминализации общественно опасных деяний, посягающих на экономическую деятельность, законодателю следует соблюдать и принцип необходимой и достаточной уголовно-правовой охраны предпринимательских отношений. Известно, что уголовно-правовое вмешательство в указанные отношения является необходимым. Несмотря на обозначенную необходимость, имеют место и пределы такого вмешательства. Представляется, что уголовно-правовые новеллы следует вводить тогда, когда отношениям конкуренции, которые являются «нервом» рыночной экономики, причиняется прямой и косвенный вред. В рассматриваемой ситуации под прямым вредом понимаются реальные убытки, понесенные добросовестным предпринимателем; под косвенным – экономический ущерб, причиненный интересам потребителей и экономической безопасности государства. Запрещаемое ст. 171.3 УК РФ деяние представляет собой специальный состав по отношению к ст. 171 УК РФ [1]. Дополнение УК РФ ст. 171.3 было обусловлено нарастающими масштабами проблемы нелегального оборота алкогольной продукции. В указанной ситуации предпочтение отдается именно нелегальной алкогольной продукции, поскольку последняя имеет по сравнению с легальной более дешевую цену [Там же]. В результате реальные убытки способен понести именно добросовестный предприниматель, который окажется неспособным противостоять «оттоку» потребителей обозначенной продукции к нелегальным ее продавцам. Таким образом, имеет место прямой вред. Косвенный вред в рассматриваемой ситуации состоит в причинении ущерба как здоровью потребителей нелегальной алкогольной продукции, так и экономической безопасности государства в виде непоступления значительных сумм налогов в соответствующие бюджеты. При этом нелегальный алкогольный рынок приносит его участникам ежегодно более 100 млрд рублей [Там же]. Таким образом, обозначенный принцип криминализации деяний также соблюден законодателем.

Статья 171.4 УК РФ, следуя ее названию, направлена на борьбу с «незаконной розничной продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции». Обозначенное деяние, как и ст. 171.3, следует рассматривать как специальный состав по отношению к незаконному предпринимательству – ст. 171 [1]. Дополнение главы 22 УК РФ ст. 171.4 имело целью «сокращение объема нелегального оборота алкогольной продукции» [Там же]. Как и в предыдущей, в исследуемой ситуации потерпевшими оказываются как добросовестный предприниматель, так и граждане – потребители нелегальной алкогольной продукции. Таким образом, дополнение указанной главы ст. 171.4 не противоречит рассматриваемому принципу криминализации деяний.

Также законодатель обязан соблюдать и такой принцип криминализации деяний, как принцип недо-

пустимости криминализации деяния без надлежащего правового регулирования экономических отношений. Известно, что для предпринимателей как субъектов рыночных экономических отношений должны быть установлены четкие и однозначные «правила игры». Эти правила устанавливают границы дозволенного, разрешенного поведения в сфере экономической деятельности. Государство должно вести борьбу с противоправными действиями в указанной сфере тогда и постольку, когда и поскольку предпринимательские отношения урегулированы гражданско-правовым, налоговым и иным законодательством. В ситуации, если законодатель не примет во внимание обозначенное обстоятельство, возникает опасность размыwania границ преступного и не преступного, нарушения принципа законности. Побочным эффектом этого размыwania выступает «латентная» криминализация деяний – внутрисистемная дисгармония, дающая возможность трактовать положения уголовно-правовых норм достаточно широко и неопределенно. С данной точки зрения, в диспозициях ст. 171.3–171.4 УК РФ указанная дисгармония отсутствует. В частности, в диспозиции ст. 171.3 законодатель напрямую указывает, что запрещаемое ею деяние является уголовно наказуемым, когда оно осуществляется «без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна». Таким образом, «вторжения» уголовного права в область дозволенного гражданско-правовыми нормами поведения в исследуемой сфере применительно к ст. 171.3 не наблюдается.

То же, по нашему мнению, следует отметить и о ст. 171.4, поскольку данная законодателем в Примечании 1 к ней дефиниция «незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», как и в ситуации со ст. 171.3, сформулирована с учетом положений норм регулятивных отраслей права.

Проведенное исследование ст. 171.3–171.4 УК РФ через призму принципов криминализации деяний позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, введение указанных новелл в Уголовный кодекс является не только необходимым, но и научно обоснованным, поскольку ликвидируется значительный законодательный пробел. Во-вторых, несмотря на обозначенную необходимость, законодательная конструкция диспозиции ст. 171.3 имеет недостаток, заключающийся в «смешении» производства обозначенной в ней продукции с ее закупкой, поставками, хранением, перевозкой, что способно привести к затруднениям, связанным с практическим применением этой новеллы.

Таким образом, несмотря на дополнение уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности рассмотренными новеллами, проблема его дальнейшего совершенствования, как и ранее, решена не в полном объеме. Обозначенная ситуация является результатом несоблюдения законодателем отдельных принципов криминализации деяний. В частности, принципа соблюдения правил законодательной техники конструирования уголовно-правового запрета. Указанный принцип явно не был принят во внимание в процессе формулирования ст. 171.3 УК РФ, о чем свидетельствуют

серьезные недостатки ее законодательной конструкции. Один из них – использование в ее названии сразу двух взаимоисключающих союзов «и», «или». В обозначенной ситуации, по нашему мнению, следует использовать только один из этих союзов – «и», поскольку это не противоречит положениям норм регулятивной отрасли права, в частности Федерального закона РФ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Следующий из указанных недостатков состоит как в использовании в диспозиции ст. 171.3 перед ее элементом «розничная продажа» сразу двух союзов «и», «или», так и в отсутствии их в начале ч. 1 данной диспозиции. Представляется, что в рассматриваемой ситуации, как и в предыдущей, необходимо перед обозначенным элементом оставить союз «и», что соответствует положениям вышеназванного федерального закона. Также, следуя этим положениям, элементы диспозиции ст. 171.3 УК РФ «закупка (в том числе импорт)», «поставки (в том числе экспорт)», «хранение», «перевозки» относятся к «обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции». К данному обороту относится и элемент «розничная продажа». В этой ситуации, на наш взгляд, возможно сформулировать ч. 1 рассматриваемой диспозиции следующим образом:

«1. Производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицен-

зия обязательна, совершенные в крупном размере, – наказываются...».

Обозначенная законодательная конструкция предусматривает и дополнение диспозиции ст. 171.3 Примечанием следующего содержания:

«Примечание 1. Для целей настоящей статьи под оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции понимается закупка (в том числе импорт), поставки (в том числе экспорт), хранение, перевозки и розничная продажа такой продукции физическим лицом».

Представляется, что в результате указанной «доработки» ст. 171.3 УК РФ окажется невозможным произвольное толкование отдельных элементов, составляющих ее диспозицию. О негативных последствиях такого толкования, состоящих, в частности, в необоснованном прекращении практическими работниками уголовных дел, отмечалось и в юридической литературе [5. С. 93]. Данная точка зрения не утратила актуальности и сегодня [6. С. 72].

Таким образом, как во избежание этих последствий, так и для решения проблемы дальнейшего совершенствования главы 22 Уголовного кодекса РФ законодательно в процессе принятия им решений о криминализации того или иного деяния, посягающего на общественные отношения в сфере экономической деятельности, следует придерживаться системы принципов криминализации деяний. В результате указанные решения будут обоснованными, уголовно-правовые запреты, являющиеся результатом криминализации деяний, – глубоко продуманными и разумными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 50030-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/57263400/> (дата обращения: 06.12.2017).
2. Лозинский И.В. Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 168 с.
3. Серёжкина К.Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения : автореф. дис. канд. юрид. наук. Самара, 2009. 24 с.
4. Кострова М. Крупный размер и крупный ущерб по УК РФ: языковой аспект // Законность. 2001. № 10. С. 24–27.
5. Рагор А.И., Грачёва Ю.В. Законодательная техника как средство ограничения судебного усмотрения // Государство и право. 2002. № 11. С. 93–100.
6. Ляскало А. Квалификация корпоративных (рейдерских) захватов: вопросы применения ст. 185.4 и ст. 185.5 УК РФ // Уголовное право. 2017. № 2. С. 70–77.

Статья представлена научной редакцией «Право» 16 мая 2018 г.

ON THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL LEGISLATION FOR THE PROTECTION OF SOCIAL RELATIONS IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 254–259.

DOI: 10.17223/15617793/435/32

Igor V. Lozinsky, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lozin@mail.tsu.ru

Keywords: problem; Criminal Code of the Russian Federation; social relations in sphere of economic activity.

This article focuses on the changes introduced into Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation “Crimes in the Sphere of Economic Activity” on the basis of Federal Law No 203-FZ of 26 July 2017. In accordance with the law, the chapter was supplemented with Article 171.3 that establishes criminal liability for “production and/or turnover of illicit alcohol”, and Article 171.4 that establishes liability for “illegal retail of alcoholic and alcohol-containing products”. Thus, the legislator first introduces specific legal rules that institute criminal proceedings for production of illicit alcohol, illegal retail of alcoholic and alcohol-containing products, which will make up for gaps in the current legislation. The objective of the research is to examine how far the legislator, under the decision on criminalization of acts prohibited by Article 171.3 and Article 171.4, takes into account the legal principles of criminalization of acts. The comparative method and the method of analysis are applied in the analysis of the legal changes. The research showed that the legislator, in deciding on criminalization of acts where the responsibility is established by the novels subject to Article 171.3 of Criminal Code of the RF, does not observe the “principle of legal rule on criminal injunction planning”. In this connection, the name of the novel proves to be “vague” as it becomes ambiguous: what criminal act is subject to criminal liability – “illegal production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products” or “illegal production or turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products”. Its disposition appears to be “vague” as well since it does not

clearly state the cases of criminal liability – for production only, for purchase only, including import, for delivery only, including export, for possession only or for shipping of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products without a relevant license only. Furthermore, it is still not clear how the component “retail sale” with conjunctions “and/or” correlates with the disposition of Article 171.3. To sum up, to improve the Chapter, amendments should be made to Article 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation; particularly, only the conjunction “and” should remain in the title. The components after “production” can be added to “turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products”.

REFERENCES

1. Garant.ru. (n.d.) *Explanatory note to the draft Federal Law No. 50030-7 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/57263400/>. (Accessed: 06.12.2017). (In Russian).
2. Lozinskiy, I.V. (2013) *Realizatsiya printsipov kriminalizatsii i zakonodatel'noy tekhniki v sfere bor'by s ekonomicheskimi prestupleniyami* [Implementation of the principles of criminalization and legislative techniques in the fight against economic crimes]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Serezhkina, K.N. (2009) *Prikosnovennost' k prestupleniyu v ugovnom prave Rossii: optimizatsiya norm i praktiki ikh primeneniya* [Implication in a crime in the criminal law of Russia: optimization of the norms and practices of their application]. Abstract of Law Cand. Dis. Samara.
4. Kostrova, M. (2001) *Krupnyy razmer i krupnyy ushcherb po UK RF: yazykovoy aspekt* [Large size and large damage under the Criminal Code of the Russian Federation: the language aspect]. *Zakonnost'*. 10. pp. 24–27.
5. Rarog, A.I. & Gracheva, Yu.V. (2002) *Zakonodatel'naya tekhnika kak sredstvo ogranicheniya sudeyskogo usmotreniya* [Legislative technique as a means of limiting judicial discretion]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 11. pp. 93–100.
6. Lyaskalo, A. (2017) *Kvalifikatsiya korporativnykh (reyderskikh) zakhvatov: voprosy primeneniya st. 185.4 i st. 185.5 UK RF* [Qualification of corporate (illegal) takeovers: questions of the application of Art. 185.4 and Art. 185.5 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 70–77.

Received: 16 May 2018